

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 43 (894)

Воскресенье, 11 августа 1940 г.

Цена 30 коп.

Созвездие шестнадцати

Говорят, что крупные события глубже познаются на некотором отдалении от них. Это верно. Нельзя большую картину хорошо рассмотреть, подойдя к ней вплотную. При таком взгляде на нее в лучшем случае можно получить представление о размерах; красоту же проявления и вложенный в него художником смысл навряд ли можно постигнуть — они остаются вне поля зрения. Чтобы картина предстала перед нами не только в физических своих размерах, но и в своем содержании, надо выбрать нужную точку на некотором расстоянии от нее. В подобном положении находится обычно современник, сподвижник исторических событий. Он «стоит» к нам слишком близко, видит их величие, но всей значительности не знает, только отступая на некоторую дистанцию во времени, когда явственное начинают скрываться их последствия.

Год назад, когда советской правительству совершило кручинный поворот в своей внешней политике, было ясно, что произошло огромное событие, последствия которого трудно предвидеть, что отныне развитие международных отношений пойдет в ином направлении. Реальные последствия не заставили себя долго ждать. И они в новом свете раскрыли скрываемую мудрость сталинской внешней политики, суть которой — на примере прибалтийских стран ярче всего можно проиллюстрировать, насколько важна роль литературы в жизни народных масс. Лучшая часть латвийских, литовских и эстонских писателей сохранила незапятнанной свою честь перед лицом истории именно потому, что остались верной народу. Терпя пытку, геноцид, цензуру, томясь в «демократических» тюрьмах, видевшие поэты, прозаики и драматурги прибалтийских стран крепко хранили любовь и преданность народу, деля с ним унижения и обиды, не покидали его в самые безотрадные дни. Несмотря на растлевавшую «действительность» бывших правительств, они остались певцами народа, а не его угнетателей. Ульманис и Сметон не удалось превратить наиболее даровитых художников слова в смиренных лизоблюдов, в камер-пажей от литературы, услаждавших слух и раздражавших честолюбие «благородных» торжественных одам и виршами. Люди Гира и Иоханнеса Барбарус, Вильс Лайис и Андрей Улпт, Петрас Пивика и Иоханнес Семпер предпочли вместе с народом разделаться, но вместе с ним и победить. Они сделали героям своих произведений в средневековых костюмах, чтобы их устами горючить народу правду. Они уходили в глубь истории, чтобы своих предков призвать в синеву царящего на их земле производства.

В своем стихотворении «Песня курганов» Люлас Гира от лица проснувшихся dead заявляет:

Лучше б нам, в земле курганной,
Спать беспрощуко до века.
Лучше б нам не просыпаться
От рыйаний, пригниланий
Нашей родины беззловной,
Горестной страны Литовской!

Не верил поэт, что тема будет царствовать вечно. Ее уже пробивали лучи кремлевских звезд. Вместе с народом сделал один из руководителей своего государства.

На успехах политики Советского Союза не вытекают из каких-либо случайных сложившихся внешних условий. Наоборот, сами эти внешние условия созданы в результате возросшей мощи социалистического государства, благодаря мудрой настойчивости, которую проявляет советское правительство, неустанным заботясь об укреплении международных позиций СССР.

Более того, становится все яснее, что самы события получают то или иное развитие, принимают те или иные отвертки под воздействием этой политики. В этом можно убедиться хотя бы на примере Франции. Ее правящие круги привели гордый, свободолюбивый народ к поражению, обанкротились перед лицом всего мира в известной степени потому, что «слинском легкомысленно отнеслись к вопросу о роли и будущем месте Советского Союза в делах Европы» (Молотов).

Капиталистическому миру пришлось по-тешиться, отступить перед восстанием меществом социализма. Меньше года прошло, как воссоединились со своими единокровными братьями украинцы и белоруссы, прежде порабощенные польскими панами. Несколько месяцев назад обединились в союзную республику финны и калмыки. Теперь по воле народов Молдавии и Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии вошли четыре новые социалистические республики.

В связи с этими радостными событиями вспоминаются ставшие уже легендами дни. На пятом году существования советской власти Первый всесоюзный съезд Советов принял написанную рукой Сталина декларацию о незыблемости свободы всех народов, входящих в Союз. Декларация провозглашала, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так имеющимся в будущем»...

Мы являемся живыми свидетелями, как это будущее превратилось в настоящее. Решением VII Сессии Верховного Совета СССР в состав Союза приняты четыре новых республики. Четыре народа стали под знаменем Советов. Еще так недавно поэты на-

Пусть ярче светят человечеству созвездие шестнадцати счастливых советских республик!

Возвращение с похода

КИЕВ. (От наш. корр.). На-днях состоялось очередное заседание президиума союза советских писателей Украины.

Группа писателей, вернувшись из Бессарабии и Северной Буковины, информирована о своей работе.

С частями Красной Армии, освободившими народы Бессарабии и Северной Буковины, туда пришли писатели Советской Украины: А. Мальчишко, М. Тардов, И. Фефель, Я. Городской, Н. Рыбак, В. Кучар, П. Усенко, В. Собко, Я. Катчура, В. Охременко, И. Гончаренко, Е. Адельгейм, Иван Ле, С. Гордеев, В. Горин, А. Гонтар, Г. Попликов.

Большую агитационно-пропагандистскую работу в освобожденных областях проделали писатели А. Корнейчук, М. Балак, И. Стебун.

Отметив интересный опыт работы писателей освобожденных областей, президиум принял решение в ближайшее время издать альманах, посвященный освобождению народов Бессарабии и Северной Буковины из-под гнезда румынских бояр.

В редакколлегию альманаха вошли тт. А. Корнейчук, И. Фефель, А. Мальчишко, Я. Городской, Н. Рыбак, П. Усенко.

Президиум постановил организовать специальные курсы военной подготовки для писателей Украины.

Вечер окончился большим концертом.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Созвездие шестнадцати. С. ИППОЛИТОВ. Новые задачи Гослитиздата. ПРИЕМ В КРЕМЛЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДОВ БЕССАРАБИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ, ПОЛНОМОЧНЫХ КОМИССИИ СЕЙМОВ ЛИТВЫ, ЛАТВИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ЭСТОНИИ.

2 стр. М. МЕНДЕЛЬСОН. Тридцатые годы в Америке. Людвиг СТОЯНОВ. Письмо писателям Америки. Андрей УЛИТ. Судьбы латышской литературы последних лет. ИНФОРМАЦИЯ. Пушкин и румынская литература. Памяти А. Гольдфадена.

3 стр. В. ЕРМИЛОВ. О «Тихом Доне» и о трагедии.

Маргарита АЛИГЕР. Лучшие стихи Николая Панова. А. КОЗАЧИНСКИЙ. Мальчик на лошади. 4 стр. В. ЕРМИЛОВ. О «Тихом Доне» и о трагедии (окончание). Евг. ЛУНДБЕРГ. Важка Пшавела. А. ЕВГЕНЬЕВ. Две книги о Маяковском. 5 стр. М. ГРИНБЕРГ. Спор с композитором. Б. РУНИН. Повесть не о любви. Константин ЛАПИН. О звезде поворотия. ИНФОРМАЦИЯ. Сказки Н. Улагашева. 6 стр. Е. КОРЕЕВА. Чей эпигон? Ю. ИСАКОВ. Последняя квартира А. Блока. ИНФОРМАЦИЯ. Произведения латышских писателей на русском языке. По страницам журналов. Памяти А. С. Глинки-Волжского. НОВЫЕ КНИГИ.

Прием в Кремле представителей народов Бессарабии и Северной Буковины, Полномочных Комиссий сеймов Литвы, Латвии и Государственной думы Эстонии

Говорят, что крупные события глубже познаются на некотором отдалении от них. Это верно. Нельзя большую картину хорошо рассмотреть, подойдя к ней вплотную. При таком взгляде на нее в лучшем случае можно получить представление о размерах; красоту же проявления и вложенный в него художником смысл навряд ли можно постигнуть — они остаются вне поля зрения. Чтобы картина предстала перед нами не только в физических своих размерах, но и в своем содержании, надо выбрать нужную точку на некотором расстоянии от нее. В подобном положении находится обычно современник, сподвижник исторических событий. Он «стоит» к нам слишком близко, видит их величие, но всей значительности не знает, только отступая на некоторую дистанцию во времени, когда явственное начинают скрываться их последствия.

Двадцать три миллиона новых советских граждан! Сотни тысяч квадратных километров земель, бывших прежде яблоком раздора между государствами, предметом интриг поддателей войны, а теперь надежно охраняемых от покушений со стороны иностранных захватчиков! Таковы реальные результаты событий, которые год назад поразили нас своей многозначительностью и величием, а сейчас воодушевляют своим результатами.

Вместе с ростом нашего государства выросла многонациональная советская литература. Пожалуй, на примере прибалтийских стран ярче всего можно проиллюстрировать, насколько важна роль литературы в жизни народных масс. Лучшая часть латвийских, литовских и эстонских писателей сохранила незапятнанной свою честь перед лицом истории именно потому, что остались верной народу. Терпя пытку, геноцид, цензуру, томясь в «демократических» тюрьмах, видевшие поэты, прозаики и драматурги прибалтийских стран крепко хранили любовь и преданность народу, деля с ним унижения и обиды, не покидали его в самые безотрадные дни. Несмотря на растлевавшую «действительность» бывших правительств, они остались певцами народа, а не его угнетателей. Ульманис и Сметон не удалось превратить наиболее даровитых художников слова в смиренных лизоблюдов, в камер-пажей от литературы, услаждавших слух и раздражавших честолюбие «благородных» торжественных одам и виршами. Люди Гира и Иоханнеса Барбарус, Вильс Лайис и Андрей Улпт, Петрас Пивика и Иоханнес Семпер предпочли вместе с народом разделаться, но вместе с ним и победить. Они сделали героям своих произведений в средневековых костюмах, чтобы их устами горючить народу правды. Они уходили в глубь истории, чтобы своих предков призвать в синеву царящего на их земле производства.

Созвездие шестнадцати — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Лозовский, Деканозов, Чичиков, Геров, Советского Союза, Левченко, Громов, Шмидт, Ширшов, Федоров, Гренель, Раскова, Каманин и др.

С присутствующими — маршиалы Советского Союза тт. Кульчицкий, Шапошников, Щекинский, Покровский, Булганин, Вышинский, Вознесенский, Петрухин, Мальышев, Косыгин, Дмитров, Малышев, Ильинский, Яниславский, Шербаков, Митин, Бадаев, Горкин, Ходжев, Постолов, Зверев, Винников, Шахутиев, Л

Письмо писателям Америки

Дорогие друзья!

Благодарю вас за интерес, который вы проявляете к моей маленькой стране, которая, должна вам сказать, сделала немало для европейской культуры, но о которой не только в Америке, но и в Европе очень мало знают. Вспомните только о славянской письменности, которая родилась в средневековой Болгарии.

Не будем говорить о прошлых заслугах. Они, увы, не возвращаются на ветхих настах времени.

Сейчас нет такой страны в капиталистическом мире, где не появляются бы вакуумы социального творчества, обнажают великих мыслителей и всякая возможность духовной связи с народом, великое право и чувство сираведливости.

Гражданские свободы, приобретенные тяжелыми усилиями, борьбой и кровью, усилия, которые являются лучшей традицией культуры, преследуются там, где они в первый раз появились. Каждый культурный человек знает, почему это происходит, потому что принимает такие уродливые формы.

Буржуазная Европа питает. Она потеряла человеческий образ, забыла самые обычные и элементарные задачи культуры, германские и прогрессивные традиции прошлого для того, чтобы с каждым днем все больше погружаться во тьму невежества. В эту действительно макбетовскую ночь не трудно будет услышать, как слова пробуют двинуть, и, может быть, недалеко то время, когда волки варварства зловеще звонят на авеню Лондона, Парижа, Ницше-Йорка...

Буржуазия Европа теряет первенство. Она, как истинная светская лада, идет открытым опущением, сильную страсть. Драма с убийством? С этим вопросом она встречается каждый день. Ее экипаж с гербом лорда шествует в ряд с танками, она с портфелем наблюдает за аэропланами. Ее личинки дрожат, лакеи под руку ведут ее... Кто ее спасет?

Я не был в США, но знаю американскую литературу. В молодости увлекался Марком Твеном, О'Гэри, Лонгфелло, Ульгариом Но, Уолтом Уитманом, Илемоном Эмерсоном. Рассказы Энгара Но я перевел на болгарский язык. Эти писатели помогли мне ознакомиться с американской жизнью. Благодаря им я начал смотреть на США, как на страну гражданской свободы, конечно, с оговорками, сделанными самими американскими писателями. Эти свободы долгое время были идеалом многих европейских народов, особенно после первой империалистической войны.

Из всех войн это была самая беспечальная, настенная глубокие поражения экономической жизни США, — неслыханный размах экономический кризис, миллионы безработных.

Сложный, полный противоречий, экономический строй США полностью был разоблачен в большинстве произведений современных американских писателей, как, например, Энтони Синклер, Теодор Дрейзер, Майк Голд, Эрнест Хемингуэй и др.

Какая нестабильная картина борьбы за хлеб, с одной стороны, и жестокой бесчеловечной эксплуатации — с другой!

В последнем десятилетии подготовки к новой империалистической войне в жизни США наметилось явное и зловещее засияние реакции. Реакционные организации работают. Либерализм крупной американской буржуазии окрашивается в черные реакционные цвета.

В США уже 4 года существует Лига защиты иностранцев. Официальная и неофициальная реакция начала бешеным походом против иностранцев. Она американская газета характеризует этот поход, как «историю». В конгрессе был внесен

Печатается в сокращенном виде.

Судьбы латышской литературы последних лет

Андрей УЛИТ

законопроект, который ограничивает гражданскую свободу иностранцев, — понятие очень спорное, так как коренными жителями Америки являются только индейцы. Магнаты капитала присвоили право наследства.

Комиссия Дайса организовала «патристические» собрания в защиту «гражданских свобод», которые, однако, явились явной провокацией против духа традиционных свобод, выступали против всего прогрессивного, внедряли ненависть к ССР и настраивали против рабочих синдикатов, обитых «заразой коммунизма».

Попытки затронуть печать левых, же-стокости при усмирении стачек и демонстраций, убийство прогрессивных рабочих — вот что предвещает близость огромной волны реакции, которая захватит общественную и культурную жизнь страны.

Перед этой мрачной перспективой передовая европейская общественность отправила американским писателям настоячивое и полное трагизма воззвание: будьте бдительны!

Лига американских писателей является мощным фактом в культурной жизни США. За последнее десятилетие она обединила вокруг себя почти всех писателей старого и нового поколений и стала на страже культуры, свободы и гражданско-го права.

Сегодня, когда реакция во Франции развернула Международное бюро писателей. Лига американских писателей могла бы взять на себя функции защиты культуры и пролить свою борьбу против реакционных выступлений в защиту мировой культуры. И она безусловно это сделает, потому что на сегодняшний день литература очень нуждается в защите всех сознательных людей, не руководствуясь близорукостью и личными интересами.

Только при демократической, свободной печати можно разоблачать провокации империалистов и, главное, — открывать истину о ССР. Эти свободы вы обязаны хранить, как зеницу ока, так как в противном случае рискуете, как и другие буржуазные страны, утонуть в глубоком, неприменимом мраке, где народные массы блуждают, как слепни, напоминай мурзилки с закрытым выходом. И тогда вы будете бессильны бороться с невидимым врагом, и поэтому врагом более страшным и коварным.

СССР является страной, где осуществляется советская культура. Он не нуждается в защите, как это было 15 лет тому назад. Дело его служит ему лучше защитой. Его сила, его могущество, его прогресс во всех областях общеизвестны. Народные массы во всем мире не только сочувствуют, но и знают, что Советский Союз осуществляет их будущее, он для них является уже не легендой, а неопровергнутой действительностью. Буржуазия стремится возвинуть китайскую степь против всего, что идет из ССР. Борьба писателей сводится к одному: заблуждающимся раскрывать истину о ССР.

Если есть вещь, которую писатели всего мира должны охранять всеми силами и способностями, как осуществление их самых дорогих чаяний и мечтаний для общественного и культурного переустройства, то это — Советский Союз, основа и прототип будущего устройства мира. Только Советский Союз освобождает человека от бесчинственных унижений, голода, безработицы, страхах о завтрашнем дне, от всяких моральных и материальных унижений, от всего того, на что человек обречен в капиталистическом мире. Советский Союз — прогрессивный, целостный, гармоничный, свободный от духовных недомоганий и пороков.

Не буду распространяться о том, как вместе с освободительным движением 1905 г. зародилась латышская революционная литература, с буревестником нашим, гениальным Райнисом во главе.

В долгие годы послереволюционной реакции, до самого начала мировой войны, он один, из эмиграции, своим сборниками стихотворений поддерживал надежду на освобождение и боевой дух латышского рабочего класса и прогрессивной интеллигенции. К сожалению, с самых первых годов существовала независимой Латвийской демократической республики национальность литературных взглядов, противоречиями и вульгарно-марксистскими изложением. В беллетристике нечего было думать о каком-либо размахе. Демократически-республиканская цензура строго следила за тем, чтобы соблюдалась закон царского времени, в особенности те его статьи, которые оберегают неприкосновенность боя, религии, церкви и мирного жития различных общественных классов. Оттого наш социальный роман времен «демократической свободы» страдал малокровием и отсутствием настоящей движущей идеей смысла.

Но после возвращения диктаторского режима эта довольно темная эпоха латышской литературы может еще показаться относительно светлой. Сразу же уничтожили даже единственную тогда «рабочую» газету «Социалдемократ», социалистический литературный журнал и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, читали и вообще публичного употребления выбросили все книги мало-мальски прогрессивного содержания, даже те, которые появлялись на свет тридцать и сорок лет тому назад. Из театров выгнали последнюю пьесу с самым неизвестным именем социалистического писателя и все другие органы печати, которые не принадлежали к партии. Из библиотек, ч

ВАЖА ПШАВЕЛА

Важа Пшавела

14 июля 1861 г. — 9 августа 1915 г.

«Во взгляде его и движениях было что-то орлиное», — вспоминают пшава о своем поэте. «Не пресмыкался, но снова и снова сколот в высах покладывал путь», — пишет он о себе (*Утешение поэта*). «Орлом грузинской поэзии» называли его писатели и общественные деятели в день его тридцатилетнего юбилея.

У Важа Пшавела были сильные воли, страстная потребность выявляться в слове и деле, первобытная любовь к жизни, крылатое воображенение, а между тем биография его свободно уместилась бы на мозговом камне: родился в пшавской деревне Чаргали, учился в Горийской семинарии, был воспитанником Петербургского университета, возвратился по недостатку средств на родину, служил народным учителем в глухих углах Грузии и после ряда конфликтов замкнулся в Чаргали, где обрабатывал поле, охотился и писал стихи, — так прожил он около двадцати семи лет, всю вторую половину жизни.

Конечно, это авторничество не было добровольным. Недаром так часто мелькает в поэзии Важа Пшавела образ раненого орла, гнездом которого завладели вороны. В одной из последних (*Песен*) поэт с горечью говорит:

«Пусты не усыплю о смерти, пусть не увижу орла, потерявшего волю к борьбе... Прекрасна молодость, прекрасен гул страшной дрожки».

Творчество Важа Пшавела проникнуто духом возмущения против сонливых несправедливостей, против исторических пут, душивших его народ, против условностей дворянско-буржуазной культуры, против невозможности осуществить полностью то, что он считал своим призванием. Поэт не обладал гибкостью, необходимой для того, чтобы сбрасывать с себя годы реакции. Правление его поэтического дара давало. Он был белен и одинок — старшим собратом по перу из дворянско-местного круга не приходилось так, как ему, вымалывать по пяти или десяти рубль в своих издателях и писать стихи при свете факела.

Важа Пшавела был народным поэтом — он вышел из народа, творил с народом, мог быть счастлив и силен только тогда, когда счастлив и силен его народ. Разве мог не сломаться человек такого склада, поэт такой непосредственности и страсти устремлений? Он и сломался. Он хотел жить иначе, чем жил. Он тосковал по иным временам. Но в минуты падения духа и отчаяния оставалась все тем же «мужем пшавским», «горним орлом», каким мы узнаем его по поэзии юношеских лет. «Твердость в несчасти извечно подобает мужчине», — писал он тогда, — не откладай, борись с врагом, пока жив.

Тридцать лет спустя, смертельно больной, в *«Призывае»*, посвященном памяти Ак Перетели, он говорит, что нет в мире силы, которая заставила бы его отказатьься от борьбы. «Разве может иссякнуть талант у того, кто проникает красотой своего народа? Разве может раздвинуть талант броня тяжкой жизни, даже если ему суждено прожить хоть тысячу лет? Не убейт его именем, влюбленной, все более частая седина, слабеющим блеском сердца... Настоящий талант побеждает только с последним вздохом, когда порвется волосок человеческой жизни...».

Его, «мужественное прекрасное слово», «всегда было печально страждущих, облито

их слезами». «Он любил братьев и возвешал на этом тяжелом голосом». Он «заставил заговорить утес царскую гордость внушил убийской горной траве» (*Утешение поэта*). Он стремился вложить в своей поэзии чувство мирового единства, радостную «соподчиненность» всех явлений. В «мирре нет ничего прекраснее и лучше этого всеобщего содружества». «Ущелье поднимается гора, гора — ущелье, волна — леса, леса — рекам, цветы — земле, земля — своим смесанным питомцам, и, наконец, я слушаю всем, с чьего лица льется пот». (*Песни*).

Картинки пшавской природы и события народной жизни легли в основу поэм Важа Пшавела. В лирике он прилежно культивирует форму «песни», прибегает к диалогу, к перекличке двух певцов, вводят в лирику элементы геронической песни. Он чувствует себя равным среди равных в кругу народных поэтов и сказителей, но, черпая у них своих образов, не отказывается от личных творческих задач.

Важа Пшавела превосходно знал русскую и западноевропейскую литературу, любил Гомера, Байрона, Тетеса, Пушкина, Шекспира, Л. Толстого и разбирался в политических и философских идеях своего века. Замкнувшись в Чаргали, он не оторвался от культуры, внимательно следил за всем, что происходит в мире, и жил напряженной умственной жизнью. Наследие прошлого, народная поэзия была для него одним из путей к прекрасному творчеству будущего, а не самодовлеющей певческой. Акакий Церетели, назвавший Важа Пшавела «сентелем жемчугов», тут же указал, что «руки, державшие прежде пшавку, не отстали камня на камне; геронтионы обличают ее жестокость, суету, никчемность племенной и религиозной празднеств, моральную слепоту ее запитников».

Хенсур Алуда Кетелаури присвоил такоже уважения к достоинству певца, который приносит жертву за упокой его души. В наказание роднички разрывают его дром, сжигают хлеб и иконуют вместе с семью (*Алуда Кетелаури*).

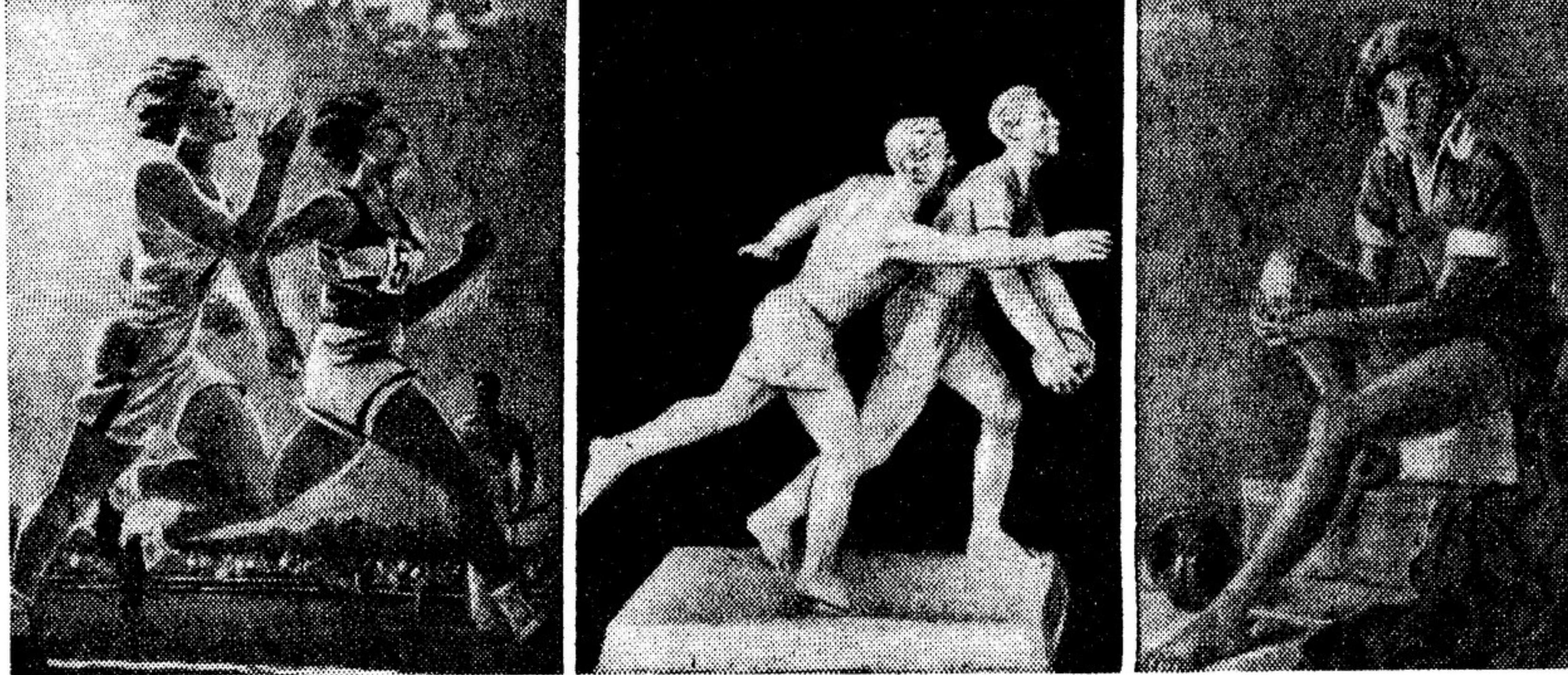
Кисти Джокола нарушает азарт кровной мести — ибо долг гостеприимства выше этого азата. Гибнет Джокола, гибнет его жена Агата. Борбса переносится в царство мертвых. Там побеждает новая правда. Джокола братски беседует с Звиадури, «верность другу храня, мужество славят, голубят о чести гостеприимства возносят закон» (*Гость и хозяин*).

Пастух Кирна сложнее и дальновиднее своих современников, и ход событий заставляет нас признать свою неправоту и прославить погибшего героя «безвременности» (*Бахтриони*).

Минджа является уже откровенным воинственным гуманистичным начала, растворенным в утонченном жалостливом пантеизме, истоки которого уводят к индуистскому фольклору (*Зимеред*).

Издранцы шести поэм, оставшихся нам после Важа Пшавела, большая часть посвящена героям, переросшим свою среду и выступающим против косности породивших их общин.

Важа Пшавела вошел в мировую литературу как мастер эпоса, как лирик, прошедший склонный человеческий и творческий путь, как несравненный художник природы. Влияние его на грузинскую литературу растет из года в год.

В залах выставки «Индустрия социализма» открыта выставка художественных произведений, посвященных физической культуре в СССР. На снимке (слева направо): В. Н. ЩЕРБАКОВА «У финиш» (масло); П. И. ДОБРЫНИН «Баскетбол» (рисунок); Е. А. КАЦМАН «Волейболисты» (сангина). Фото Е. Рыбакова.

Две книги о Маяковском

А. ЕВГЕНЬЕВ

Маяковский оставил нам множество очень точных поэтических характеристик. В его стихах и критических статьях — листьях прайвильных, запоминающихся портретов. Русские литераторы много говорили о самом призвании поэта, Маяковский не обонял и этого вопроса, но его индивидуальные характеристики поэтов остаются навсегда неизразцоными и, пожалуй, единственными в русской литературе. В поэмах он вполне самостоятелен и является создателем нового грузинского эпоса, властно требующего пересмотрки человеческих отношений на началах гуманизма.

В лирике Важа Пшавела мы находим следы влияния пессимистической поэзии Давида Гурамишвили, хотя там, где Гурамишвили видит конец своего пути, Важа Пшавела с необычайным напряжением предполагает прощание в крутизне. В поэмах он вполне самостоятелен и является создателем нового грузинского эпоса.

Картинки пшавской природы и события народной жизни легли в основу поэм Важа Пшавела. В лирике он прилежно культивирует форму «песни», прибегает к диалогу, к перекличке двух певцов, вводят в лирику элементы геронической песни. Он чувствует себя равным среди равных в кругу народных поэтов и сказителей, но, черпая у них своих образов, не отказывается от личных творческих задач.

Важа Пшавела реже говорит о формах и законах бытия, чище — о чувствах своих героев. Чувства эти обычно так вызывающими и сильными, что настойчиво становятся в привычных условиях. Они нарастают равнение окружющей их среды.

Важа Пшавела не отстает от лучших поэтов и писателей своего времени, которые, создав яркие образы своих друзей и герлов, забыли самих себя и свой собственный образ в наследство биографии и мемуарам.

Северинин не думал, что он окажется пригожим к истории русской поэзии в том именем не заменимой общине, в каком представил его Маяковский. Это естественно. Маяковский видел дальше и до конца раскрытым себя, могущим и дальше приносить чистые и дальновидные.

Наших мемуарчиков выручает время, подсказывающее им то, что не мог увидеть в деталях и частностих сам поэт. Тогда случай проинспирирует, например, Сергея Синявского, автором интересной книжки «Маяковский и его спутники», изданной в этом году «Советским писателем». Ему удаётся дать более широкую характеристику Хлебникова, которая была бы невозможна во время, воспринесшее воспоминаниями. Тогда пустыми бреднями казались слова поэта о концерте, который Мусоргский будущего даст в «восточном» помешении от Владивостока до Балтийска, под голубыми стеклами неба», мысли о горах, на которые «придется смотреть сверху», об уроках и учебниках, совершающих ежедневные перелеты. Тогда он многим мог казаться чучелом гороховых и чесноковых и учениками.

Пушкинская фраза «как мимолетное видение» в интерпретации Глинки не перестает быть пушкинским, изобразительным. Глинка раскрыл и в пьесе «Современник».

Кисти Джокола нарушает азарт кровной мести — ибо долг гостеприимства выше этого азата. Гибнет Джокола, гибнет его жена Агата. Борбса переносится в царство мертвых. Там побеждает новая правда. Джокола братски беседует с Звиадури, «верность другу храня, мужество славят, голубят о чести гостеприимства возносят закон» (*Гость и хозяин*).

Пастух Кирна сложнее и дальновиднее своих современников, и ход событий заставляет нас признать свою неправоту и прославить погибшего героя «безвременности» (*Бахтриони*).

Минджа является уже откровенным воинственным гуманистичным начала, растворенным в утонченном жалостливом пантеизме, истоки которого уводят к индуистскому фольклору (*Зимеред*).

Издранцы шести поэм, оставшихся нам после Важа Пшавела, большая часть посвящена героям, переросшим свою среду и выступающим против косности породивших их общин.

Важа Пшавела вошел в мировую литературу как мастер эпоса, как лирик, прошедший склонный человеческий и творческий путь, как несравненный художник природы. Влияние его на грузинскую литературу растет из года в год.

Мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

и если мемуары рассматриваются как какую-то часть художественной литературы, придется признать, что они —

Повесть не о любви

Газетные обьявления и афиши уведомляют, что скоро на экран выpusкается художественный фильм «Закон жизни». Вместе с призывом посмотреть новый фильм рекомендуется тему картины: «О любви и дружбе советской молодежи». Надо сказать, что это добавление, помещенное с рекламной целью, действует беззубично, потому что тема любви, ставшая почему-то подчиненной, второстепенной, пользуется большим вниманием и у зрителя и у читателя. Ведь как часто бывает, что любовь появляется в книге где-то в промежутках между двумя эпизодами борьбы и заманчиво промелькнув, уступает место более «важным» вещам. А тут прямо так и оказалось — «О любви и дружбе». Как будто не заинтересовалась. И, конечно, такая картина, — какая бы она ни была, — заранее «обременена на успех».

Писатель Павел Нилин напечатал сейчас в «Новом мире» повесть под названием: «О любви». Этот заголовок сразу останавливает внимание, заинтриговывает не меньше, чем рекламное извещение на афише. Но тут следует разочаровать читателя. Повесть Нилина написана не о любви, а о чем-то другом. О чём же?

Прежде чем перейти к самой повести, надо остановиться на одном очень существенном для нашей литературы вопросе, в связи с которым произведение Нилина может представлять некоторый интерес. Речь идет о героях современной литературы, о его характере.

Не так давно Виктор Гусев в статье «Мысли о герое» настойчиво отстаивал «прямую линию жизни» для своего героя, в противоположность линии всякого рода «отягощенной» поэзии, людям, запутавшимся в «неблагонадежных». Он решительно отмечал героя «вызываемого» путем, наделенным духовной сложностью, внутренним конфликтом. Герой должен быть ясен, яркий и прямолинеен, утверждалось в статье. Он не имеет права страдать, потому что это нетерпимо и отвратительно. Он совсем прост, этот идеальный гусевский герой. «Если бы меня попросили определить его одним фразой, я бы сказал так: он знает свою цель и ежедневно преодолевал какую-либо преграду на пути к ней». Так буквально писал Гусев.

Ничего нового Гусев, конечно, не сказал, Он лишь довольно точно сформулировал «теорию» штампа в искусстве, колицировал и закрепил схему, сокращение, еще очень распространенную. Но если бы гусевские принципы изобразительного человека, приверженцы примитивного благополучия прошли повесть Нилина, они имели бы все основания алармировать, что герой должен быть ясен, яркий и прямолинеен, утверждалось в статье. Ага, сказали бы они, вот к чему приводят создание образа на «стратегическом изломе». А все, мол, оттого, что герой страдает, заблуждается, терпит катастрофу. Герой повести Нилина Бенька Малышев, работник угольного ро-

зыка, комсомолец, кончает самоубийством из-за несчастной любви. Автор настойчиво подчеркивает, что его герой не просто молодой парень, а именно комсомолец, сознательный и отнюдь не слабовольный человек.

«Гимнасты стрелялись», юнкера стрелялись, барышни, каким-то травились укусом ядовитой эссенции. Все это было. Но же говорили, что это старый мир, а мы — комсомольцы». Так рассуждает товарищ застrelившегося Бенька, притягивающая читателя подумать над проблемой подобного конфликта, или, вернее, подобного разрешения конфликта. Надо сказать, что проблема взаимоотношения старых чувств и нового сознания так, как она поставлена у Нилина, проблема ложная, и стреляться Беньку по этому поводу решительно не имело смысла.

Так что же, следовательно, герой должен был смириться с жизненной неудачей, отрекнуться и сказать себе — «С этим покончено, Юлья Зайцева будет позабыта, живу дальше»?

Значит, герой, потерпев неудачу, должен был перейти к преодолению ежедневных препятствий? Нет, дело совсем не в этом. Проблема получилась ложная, потому что Бенька по существу и не любил эту самую Юльку. Вряд ли можно найти какое-либо другое произведение о любви, где было бы так мало любви, как в повести Нилина. По существу никакой любви здесь нет, есть лишь будничные неинтересные разговоры о ней.

Конфликт, как мне кажется, создан здесь ради доказательства права на подобное его разрешение. Но стоит ли спорить со схемой? Вместо преодоления реальных противоречий средствами искусства перед нами рассудочное преодоление штампа, а потому — тоже схема, хотя и менее наивная. Следовательно, отстоять право на изображение героя, насыщающего перед неудачей Юльку не сумел. И вывод отсюда должен быть сделан самым простым: не нужно спорить с другой схемой.

Известно, что в фотографии изображение по самой природе своей статично. Но существует прием, который позволяет средствами самой статики изобразить движение. Допустим, для того, чтобы передать в фотографии скорость, мчащегося автомашины, достаточно в момент выдержки снять объект по ходу движения. Тогда на снимке автомашина выйдет размытым и четким, а фон получится смазанным, окружающие предметы как бы мелькают перед глазами едущего.

Повесть Нилина написана умело. Не трудно отделаться от впечатления, что автор воскрешает уже нечто прошедшее, новую советскую литературу, какую-то уже такие комсомольцы, из которых одни рабы и застенчивы в лицон жизни, а другие развязны и легкомыслены. Была и «романтическая музическая дружба», лишенная сен-тиментальности. Пожалуй, ничего нового, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар, из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви! Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением развязки, и самая история любви. Почувствовав влечением к Юльке Зайцевой, кассирине в магазине, герой начинает с того, что систематически закупают там сладости.

Узнав, что их соперником стал

репортер Янка Узелков, герой принимаются за самообразование. В течение зимы они, на радость Гусева, ежедневно преодолевают препятствия химических формул и других премудростей, вплоть до Спенсера. Дошло же того, что они даже забыли повар,

из которого привыкли сажать книги. Вот она, облагораживающая сила любви!

Кончается все это тем, что один из героев — рассказчик — решки, что он уже влюблен в другую девушку, а этоличную Беньку Малышеву, которая должна была быть проблемой, своего Нилин в этом отношении не скажет. Своим творчеством он как бы повторяет, пусть в сокращенном виде, но с опозданием некоторые этапы развития советской литературы.

Не отличается оригинальностью, за исключением

